

Стася Холод

18+

Юноша с ландышем

ФЖ

Стася Холод

Юноша с ландышем (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17118775

Холод Стася Юноша с ландышем: рассказы: Спорт и Культура-2000;

Москва; 2016

ISBN 978-5-91775-265-5

Аннотация

Скромное очарование старинных английских приютов и суровые будни частных школ в пронзительных рассказах от автора повести «Фея незабудок».

Содержание

Юноша с ландышем	5
I	5
II	14
III	25
Джинни и мисс Торнтон	29
I	29
II	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Стася Холод
Юноша с ландышем
(сборник)

© Холод Стася, 2016

© ООО «ИСК», о-макет, 2016

Юноша с ландышем

I

Лето выдалось удивительно теплым и дождливым. Немудрено, что старый запущенный парк разросся, утонув в буйной зелени, и стал похож на джунгли: раздолье обитателям Бентинк-хауза – «Приюта для мальчиков благородного происхождения, лишенных средств и поддержки родных», – как гласила табличка над входом. Однажды, солнечным июльским утром, вышеназванные мальчики с визгом и воплями атаковали увитую диким виноградом беседку-ротонду, оспаривая друг у друга право усесться на кругообразную, в меру облупленную скамью, которая так и просила, чтобы на ней вырезали перочинным ножом «Уилкинс дурак» или что-то в этом роде. Местечко замечательное, но тесноватое для двадцати ребят. Потасовка была в полном разгаре, когда у парадного подъезда остановилась одноколка викария Лейтона, приступившего к выполнению своих обязанностей совсем недавно, но уже успевшего очаровать жителей Эрмингтона неизбывной добротой и душевностью. Мистер Лейтон охотно вникал в нужды прихожан и всегда готов был поддержать ближнего и делом, и разумным советом, причем не навязчиво, без оскорбительной снисходительности, а просто и сер-

дечно. Даже тетушка Хоккинс отзывалась о нем благосклонно, а это дорогого стоит. Новому викарию удалось наладить дружеские отношения с директором приюта Бентинк-хауз мистером Рудфилдом, джентльменом исключительно порядочным, но замкнутым и чрезвычайно взыскательным как к окружающим, так и к самому себе. Отчасти тому способствовала близость по возрасту – им было немного за тридцать – и страстная увлеченность шахматами. Слуга проводил мистера Лейтона в уютную библиотеку. Все здесь: и стены, обшитые мореным дубом, и гравюры к произведениям Шекспира, и тяжелые портьеры, и гобелен, сотканный еще в прошлом столетии, – настраивало на особый, познавательно-философический лад. Стеллажи от пола до потолка были заставлены книгами, представляющими собой неиссякаемый источник живительного нектара для сердца и разума, в чем директор тщетно пытался убедить и многочисленных своих воспитанников, и единственного сына Фрэнсиса. С висящего над лепной каминной полкой портрета на гостя смотрел юноша, почти ребенок. Его нежное лицо, обрамленное пепельно-русыми волосами, таинственно проступало из сумрака, черный бархат одежд оттенял белизну кожи, тронутой едва заметным румянцем, из-под густых, крылообразных ресниц струился теплый, застенчивый взгляд, а на пухлых губах трепетала легкая, как тополиный пух, горьковатая улыбка. Юноша держал хрупкий цветок ландыша, который, казалось, источал изысканно-тонкий, ядовитый аромат.

– Неизвестный художник школы Ван Дейка, середина XVII века, – опережая вопрос, пояснил только что вошедший в библиотеку мистер Рудфилд.

– Это, очевидно, ваш фамильный портрет?

– Нет, согласно преданию, на нем изображен сын сэра

Джорджа Бентинка, основавшего в 1654 году наш приют.

– Надо же, а как будто с Фрэнсиса написан, – задумчиво произнес викарий.

Визит мистера Лейтона сегодня носил скорее официальный, нежели дружеский характер, поскольку ему необходимо было обсудить с директором весьма деликатный вопрос, а именно – предложить его заведению поддержку со стороны Эрмингтонского прихода. Будучи наслышан о щепетильности мистера Рудфилда, частенько граничащей с занудливостью, он не вполне верил в успех своей миссии, и предчувствия его не обманули. Директор не то чтобы принял идею в штыки, но явно был уязвлен, хотя и попытался это скрыть. Он заверил викария, что порученные его заботам воспитанники ни в чем не нуждаются, так как попечительский совет исправно снабжает приют всем необходимым. Мистер Рудфилд терпеть не мог просить. Даже в пору студенчества, нередко выбирая между завтраком и вязанкой хвороста, он скрывал от состоятельных родственников свое бедственное положение и никому не позволял себя жалеть. Большого труда стоило викарию доказать, что речь идет о христианской помощи, а не о милостыне или подачке:

– Бентинк-хауз – единственное благотворительное заведение в нашем приходе. Неужели мы не можем сообща поддержать осиротевших детей? В любом случае добровольная лепта никого не введет в расход, ибо, как сказано в Библии, «да не оскудеет рука дающего». Не лишайте же жителей Эр-

мингтона радости делать добро!

Директор нервно теребил запонку на манжете. С тех пор как почил в Боге один из главных жертвователей, сводить концы с концами действительно стало нелегко. Вещи, приобретенные в лучшие времена, постепенно выходили из строя. Обувь горела на мальчишках огнем, и сколько их ни брани за стоптанные башмаки, по-стариковски чинно прохаживаться по аллеям они все равно не могут. К началу учебного года неплохо было бы обновить и наглядные пособия: до карты Древнего Египта уже дотрагиваться страшно, – того гляди, рассыплется в труху. К тому же с самой зимы на приюте висел долг аптекарю за средства от скарлатины. В конце концов мистер Рудфилд согласился, успокоив себя мыслью, что сделал это только ради детей.

– Ну вот и славно! – обрадовался викарий. – Вечером состоится собрание прихода. Будет неплохо, если вы выступите на нем с небольшой речью, скажете несколько слов о своем заведении и его насущных нуждах.

Фрэнсис Рудфилд

Друзья потолковали еще о прениях в палате общин и новостях спортивной жизни, и викарий вынужден был откланяться: его ожидало много неотложных дел. Директор пошел проводить мистера Лейтона до одноколки. Мальчишки тем временем мастерили из стручков акации свистульки и рьяно дули в них, причем каждый старался перещегоолять другого

в этом мудреном искусстве. Когда джентльмены появились на крыльце, беседка-ротонда исходила разноголосыми трелями, а юные дарования болтали от избытка чувств ногами и беззлобно пихались.

– Так мы договорились с вами, вы будете сегодня? – спросил напоследок мистер Лейтон.

– Непременно, – тяжело как невольник вздохнул директор.

Они обменивались рукопожатиями, когда озорник Кевин Адамс, задорно подмигнув шкодливым, синим, словно бирюза, глазом, сообщил приятелям с интригой в голосе:

– Господа, у меня есть отменная идея! Я слышал, как сын эсквайра Уильям Джанипер хвастается, будто у них марципан в шоколаде не переводится: уже надоел всем до коликов, а его покупают и покупают. И что бы вы думали, я решил предпринять?

– Надавать ему по шее! – воинственно крикнул Найк Грейп, треснул соседа кулаком промеж лопаток и тут же получил сдачи.

– А вот и нет! Бери выше – посетить ночью их кладовку. Никто не желает составить мне компанию?

Свист разом затих. Предложение Кевина обескуражило ребят. Лакомка Стив Мосс проглотил слюну – марципана ему, чего греха таить, ужасно хотелось, но мысль о возможных последствиях портила весь аппетит, и даже Найк Грейп, гордившийся репутацией «отчаянного», стушевался и стал

пристально рассматривать открывающийся из беседки вид.

– Ну же, господа, решайтесь! Кто со мной – тот герой!

Слово «герой» задело Фрэнсиса Рудфилда за живое. Он давно мечтал прославиться, но ребята старались не вовлечь его в рискованные проделки, более того, от внимания Фрэнсиса не ускользало, что стоит ему войти в классную комнату или спальную, и мальчишки переходят на шепот, а порой вовсе умолкают. Да тут еще, как нарочно, мистер Притчетт, желчный, сухонький словно богомол старичок с клокастыми бакенбардами и седыми кисточками бровей, проникся к нему расположением, хотя миндальничать с учениками было отнюдь не в его правилах.

– Не выучил – два-а-а! – смаковал он нараспев ехидным голосом и даже языком от удовольствия прищелкивал, делая злосчастную запись в журнал успеваемости.

Когда же директорский отпрыск нес у доски чепуху, учитель огорчился так, что Фрэнсису становилось жаль беднягу. В результате мелкие проказы, приносившие другим ребятам уж если не почет, то по крайней мере уважение со стороны товарищей, для него заканчивались намозолившим слух «Ему-то все можно!» Фрэнсис сам не заметил как, бесшабашно тряхнув копной густых, мягких волос, подался вперед и решительно заявил:

– Я!

– Ты?

Ребята переглянулись. Найк удивленно приподнял тон-

кую насмешливую бровь. Кевин недоуменно почесал затылок и испытующе посмотрел Фрэнсису в лицо, заподозрив подвох. На такой поворот событий он совсем не рассчитывал и куда охотней взял бы с собой Найка Грейпа, Джошуа или уж, на худой конец, увальня Стива. Но откажи ему – и, кто знает, еще обидится, расскажет все отцу и загубит чудесную затею. Как ни говори, а он один вызвался – остальные струсили.

– Ну что же, пойдём, – вяло согласился Кевин, – только чур не хныкать!

II

Вечером, во время умывания, Найк Грейп и Фрэнсис Рудфилд не поделили полотенце и с треском рвали его друг у друга. Найк внезапно сильно дернул измятый конец и, пригнув к себе Фрэнсиса, шепнул ему на ухо:

– Ты не передумал идти в дом эсквайра?

– Нет.

– Учти: ты не Адамс – тебе спуска не будет.

Фрэнсис натужно рассмеялся и безразлично махнул рукой, – дескать, мне все равно. Под одеяло он, как и Кевин, забрался не раздеваясь. С едва уловимой кроткой улыбкой он следил за мистером Притчеттом, прохаживающимся между рядами кроватей, и, в нужный момент сладко зевнув, опустил ресницы. Когда шаги учителя растворились в бесконечности чернильно-темных коридоров, Фрэнсис и Кевин бесшумно выскользнули из спальни.

– Как вы думаете, они поделятся с товарищами марципаном? – без особой надежды спросил лакомка Стив.

– Держи карман шире, – усмехнулся Джошуа, открыв таким образом заседание диспут-клуба, посвященное отважной вылазке Адамса и Рудфилда в кладовку эсквайра Джанипера.

Кевин и Фрэнсис тем временем брели по вязкой, размоленной колесами фермерских телег дороге вдоль пшенич-

ного поля. Луна светила, словно гигантский фонарь. Кевин, по своему обыкновению, верхоглядствовал и, наступив-таки в лужу, буркнул с раздражением:

– Черт, у меня ботинок протек!

– У меня вроде нет, – отозвался Фрэнсис, просто так, чтобы поддержать беседу.

– Еще бы, – ухмыльнулся Кевин.

Дорога долго петляла по пролескам, наконец мальчишки увидели впереди очертания заброшенной голубятни, кото-

рую с недавних пор облюбовали вороны, что само по себе скверно. За ней зловеще шелестела листвой буковая роща.

– Что-то меня знобит, – поежился Кевин.

Фрэнсиса не знобило, но он промолчал. Оба мальчика думали об одном и том же, вступая непрошеными гостями в безмолвное царство раскидистых вековых деревьев.

– А если явится он? – губы плохо слушались Кевина, но Фрэнсис понимал, что речь идет о Юноше с ландышем, чья легкая будто дуновение весеннего ветра тень порой встречалась припозднившимся жителям Эрмингтона.

Говорят, когда Филиппа убили на дуэли, сэр Джордж Бентинк в одночасье стал седым как лунь. Он жил затворником, почти не покидал дом, ревел по ночам словно раненый зверь, пугая прислугу. Ходили слухи, что несчастный лишился рассудка. Однажды ночью сэр Джордж, в глубоком отчаянии, отправился бродить по буковой роще. Никто не знает, что стало тому причиной, но вернулся он оттуда преобразенным, будто очнувшимся от кошмарного сна. Вскоре сэр Джордж Бентинк основал приют для осиротевших мальчиков благородного происхождения, заботам о которых посвятил всю свою дальнейшую жизнь. Сейчас о трагедии, разыгравшейся более двух столетий тому назад, напоминала лишь замшелая могильная плита на приходском кладбище да портрет Филиппа Бентинка, написанный за год до смерти. Он висел в приютской библиотеке и обладал какой-то необъяснимой, притягательной силой. Мучительно вглядываясь в

тонкие черты мальчишки, Фрэнсис испытывал странное, щемящее чувство, будто от него ускользает что-то недосказанное. На поляну, где свершилась роковая дуэль, вела заросшая, почти незаметная тропинка. Кевин несвязно бормотал слова молитвы и собирался уже реветь, но Фрэнсис неожиданно спросил:

– Послушай-ка, ведь Филипп Бентинк погиб весной?

– В мае, – с дрожью в голосе проговорил Кевин, – когда зацветали ландыши.

– Вот видишь, а сейчас – начало июля. Ландышей нет, а он приходит только за ними.

Фрэнсис взял Кевина за руку, и тот, ощутив тепло его ладони, немного успокоился. Вскоре роща закончилась. Оказавшись на широкой, освещенной лунным светом дороге, он совсем расхрабрился, стал хорохориться и петушиться, тем более что дом эсквайра был уже близко. Через низенькую оградку, предназначенную скорее для красоты, мальчишки перемахнули без труда, но потом замешкались. Выяснилось, что у Джаниперов команда «отбой» еще не вступила в силу: на втором этаже горел свет, а из открытого окна доносился смех и звуки клавесина. Охотники до марципана вынуждены были довольно долго сидеть в зарослях шиповника.

– Угомона на них нет, – сердито ворчал Кевин. – Ишь, распелись! Лучше бы спали!

Наконец дом затих – пришла пора действовать. Праздные рассуждения, кто выше ростом и крепче сложен, обыч-

но приводят к ссоре, сейчас же это был вопрос тактический. Кевин оценивающе осмотрел форточку, потом – самого себя сверху вниз и сделал неутешительный вывод, что непременно в ней застрянет. Значит, лезть придется дробному Фрэнсису.

– Забирайся ко мне на плечи и постарайся уцепиться за раму, – сказал Кевин деловито. – Проникнешь внутрь и откроешь мне окно, сам не вздумай там хозяйничать, а то все испортишь.

Фрэнсис, гибкий и пластичный, легко справился с задачей. Он неслышно соскочил на дощатый пол и даже осторожно переставил с подоконника на тумбочку цветочные горшки, чего сам Адамс наверняка бы сделать не догадался.

– Пошарь здесь, – распорядился Кевин, – а я пойду искать кладовку.

Фрэнсис отворил резную створку буфета: на полке стояли расписные фарфоровые баночки. Он засунул палец в одну из них, попробовал на вкус содержимое, поморщился и чихнул – это был красный перец, в другой хранилась тминная приправа, узнать же, что – в третьей, ему помешал пронзительный вопль Адамса, которого дюжий лакей Тоби застал с поличным и принялся драть за уши. Фрэнсис бросился на выручку. Он звонко брякнул половником о дно жестяной кастрюли. Тоби от неожиданности выпустил мальчишку из рук. Кевин растерялся, не зная как быть, но Фрэнсис скомандовал:

– Беги! Я их задержу! Бегом беги!

Адамс повиновался, отреагировав на знакомый тембр и интонацию, не допускающую возражений. Он пулей пронесся по коридору, выпрыгнул в окно и скрылся в колючих кустах, между тем как Фрэнсис яростно отбивался от Тоби, размахивая половником, словно рапирой, – не подходи! Лакей изловчился-таки, заломил ему руки за спину. На шум сбежались чада и домочадцы эсквайра. Миссис Джанипер, в которой, по наблюдениям супруга, погибла великая драматическая актриса, колотилась головой о спинку старого кресла, выбивая пыль из зеленого плюша и нет-нет стреляя глазами на слуг: все ли видят, какая эффектная истерика с ней приключилась?

Краснощекий, курносый сын Уильям громко ревел, младшая сестра, ничего не понимая, вторила ему, Тоби звал на подмогу. Хотя жуликом оказался щуплый мальчишка, он выкручивался выюном и лягался так, что здоровенный двадцатилетний детина едва справлялся с ним. «Ой-ой-ой! Этот гаденыш еще и кусается!» – блажил лакей на весь дом. Подоспевший эсквайр поднес к его лицу огарочек свечи и обомлел, признав в ожесточенно рычащем создании, плюющемся непристойными ругательствами, Фрэнсиса Рудфилда.

– Вот так встреча! – потрясенно вымолвил мистер Джанипер.

– Прикажете позвать инспектора? – усердствовал лакей.

Дело в том, что жизнь провинциального Эрмингтона, по словам тетушки Хоккинс, текла неторопливо, как застарелый мед. Тоби называл это стоячим болтом, в котором недолго протухнуть, и был убежден, что поимка вооруженного преступника невероятно возвысит его в глазах всех окрестных горничных и судомоек. Уильям разом осушил слезы и просиял. Он предложил даже сбежать за мистером Рудфилдом, забыв о страхе темноты. Эсквайр же, не обратив на добровольцев никакого внимания, приказал седлать свою гнедую Молли и стал собираться в дорогу. Он подхватил Фрэнсиса и легко, как перышко, оторвав от земли, посадил верхом на лошадь, сам ловко запрыгнул в седло – эсквайр слыл блестящим наездником, – и они поскакали в сторону Бентинк-хауза. Фрэнсису сделалось тошно и одиноко. Расцарапанная до крови щека горела огнем, волосы взмокли от пота и спутались, то же самое произошло с мыслями: они переплелись клубком, как змеи, и больно жалили.

Учитель уже задремывал, когда раздался стук дверного молотка.

– Обойдутся, – подумал мистер Притчетт, – мы никого не ждем, – и он перевернулся на другой бок.

Но стук повторился, настойчивый и тревожный. Старик, ворча и побряхтывая, засунул ноги в матерчатые туфли, надел стеганный поношенный халат и пошел открывать. К изумлению учителя, на крыльце стоял расстроенный сосед и

крепко держал за руку его любимца.

– Здравствуйте, мистер Притчетт. Мне надо видеть директора, – сухо сказал эсквайр.

– Он уже спит, – солгал учитель.

– Неправда, я видел свет в его окне, – и мистер Джанипер, не дожидаясь ответа, решительно шагнул за порог и направился к лестнице.

Учитель потрусил следом, и облезлая кисточка на его выцветшем ночном колпаке горестно вздрагивала. Мальчишки вывалили из дортуара заспанной, взлохмаченной толпой. Босые и растрепанные, в измятых холщовых рубахах чуть ниже колен, они напоминали помпеянцев, разбуженных грохотом Везувия.

– А ну, марш по койкам, – учитель погрозил им тощим пальцем, – Ужо я до вас доберусь! – и тут же, с мольбой в голосе, обратился к соседу. – Мистер Джанипер, уверяю вас, произошло какое-то недоразумение! Пусть оно останется между нами.

Хотя эсквайр и не намеревался посвящать мистера Притчетта в злодейство Фрэнсиса, тот неожиданно проявил удивительную сообразительность и догадливость. Взывая к его совести, учитель воскликнул:

– Не могу поверить, мистер Джанипер, что вам настолько жалко горсти марципана!

– Мне его жалко, – эсквайр с сердцем показал ладонью на Фрэнсиса, – неужели вы этого не понимаете?

Мистер Рудфилд между тем пребывал в блаженном неведении. Он вернулся с собрания, сделал запись в расходную книгу, просмотрел корреспонденцию, попил чаю, а сон все не шел. Директор вспоминал свой утренний разговор с викарием и размышлял, чего купить перво-наперво: учебники, новые клюшки для гольфа или глобус звездного неба, как вдруг в коридоре послышались шаги и пререкания. Дверь распахнулась, и мистер Рудфилд увидел своего доброго соседа-эсквайра, из-за спины которого выглядывала гномастая физиономия учителя.

– Мистер Джанипер – в такой поздний час! Что случилось? – испугался директор.

Тут взгляд его упал на Фрэнсиса, и он спросил удивленно:

– А ты здесь откуда?

– Из моей кладовки, сэр, – невозмутимо сообщил эсквайр. – Примите к сведению – второму мальчишке удалось улизнуть.

Будучи отцом многочисленного семейства, мистер Джанипер воздержался от более резких высказываний и поспешил удалиться. У директора же был такой вид, будто ему в спину вонзили нож. Он растерянно смотрел на сына, пытаюсь осознать смысл услышанного.

– Кто подбил тебя на?.. – слово «воровство» застряло в горле шершавой абрикосовой косточкой.

Фрэнсис вздрогнул – коленки подкосились, будто под них впились булавки. С трудом преодолевая страх, он тихо про-

МОЛВИЛ:

– Никто, сэр. Я сам...

Казалось, с его губ вот-вот сорвется что-то еще, но этого не случилось. Мистер Рудфилд молчал. Молоточки невидимой музыкальной шкатулки по-инквизиторски беспощадно выстукивали слова, произнесенные им сегодня перед жителями всего Эрмингтона: «...юноши набожные, порядочные, честные, они воспитаны в духе послушания и почтения к старшим, а хорошее воспитание всегда приносит добрые плоды». Найк Грейп оказался прав, и даже едкая слеза раскаяния, проложившая путь по расцарапанной щеке Фрэнсиса, не повлияла на исход событий.

III

– Вот вам и тихоня! Вот вам и размазня!

– Кто бы мог подумать, что Фрэнсис способен на такое!

Закрывать собой товарища считалось в Бентинк-хаузе высшей доблестью. Кевин Адамс, смертельно уставший и насквозь промокший, прибежал в приют только под утро. Он всю ночь слонялся вокруг дома эсквайра, кляня свое малодушие, но идти в одиночку через буковую рощу не осмелился. Он видел, как мистер Джанипер, понуро опустив голову, отвел на конюшню лошадь, а потом несколько раз принимался курить – его рубашка с высоким накрахмаленным воротничком долго белела в узком окне. От потусторонних криков козодоя у Кевина замирало сердце, – казалось, что рассвет вообще не наступит и всегда теперь будет темно и жутко. Он честно поведал друзьям, как достойно вел себя Рудфилд, не утаив и своего трусливого бегства, ребята же сообщили ему, что Фрэнсис взял всю вину на себя.

– А попало ему здорово, – вздохнул Стив, с уважением оглядываясь на героя, который после трудной ночи спал мертвым сном, широко раскинувшись поверх одеяла.

Про таких, как Фрэнсис, говорят: «Проснулся знаменитым», но восхищение одноклассников почему-то не принесло ему ожидаемой радости. Из уст в уста передавался захватывающий рассказ о том, как Фрэнсис дважды спас Кевина Адамса: сначала – от эсквайра, потом – от директорского гнева. На деле же мистер Рудфилд не нуждался в открове-

ниях сына и легко мог бы сам вычислить его сообщника, поскольку вся одежда Кевина была забрызгана грязью, а к ботинкам прилипли комья глины, и их не вдруг удалось отчистить, но директор вопиющих улик не заметил или не пожелал замечать. Кто их только поймет, этих взрослых? Фрэнсиса же на две недели лишили прогулок, и никакие ходатайства мистера Притчетта не помогли. Кевин Адамс теперь заискивал перед ним, был благодарен и тронут его великодушием, но не настолько, чтобы добровольно разделить с ним суровое заточение, сносить которое было бы еще тяжелее, если бы не библиотека. Фрэнсис доставал с верхней полки толстую книгу в сафьяновом переплете, и под завораживающий шелест ее пожелтевших, переложенных пергаментом страниц ему удавалось порой забыть хотя бы на полчаса, что другие мальчишки сейчас строят из веток шалаш или плещутся в пруду, заросшем кувшинками. Филипп Бентинк пристально смотрел на него с портрета и, посвящая в свою тайну, показывал ему беззащитно-хрупкий цветок ландыша. А когда истек срок наказания, и Фрэнсис, как из пращи вылетев в сад, принялся с азартом наверстывать упущенное, мистер Рудфилд по-прежнему старался не покидать без особой надобности приют и даже от церковных служб уклонялся, ссылаясь на непонятную болезнь. Наконец викарий решил сам его навестить. Они долго беседовали о чем-то, и, прощаясь, мистер Лейтон взял с директора обещание приехать к нему на чашечку кофе.

– Заодно разыграем шахматную партию, – сказал он дружелюбно.

Директор принял приглашение, но от какой-либо благотворительной помощи со стороны прихода наотрез отказался. Тетушка Хоккинс утверждает, что попечительский совет стал выделять Бентинк-хаузу гораздо больше денежных средств.

Джинни и мисс Торнтон

I

С вечера Джинни до одури напрыгалась через мяч, безжалостно молотя им об стену приютской прачечной, наелась крупяного супа и уснула как убитая, а на другой день, после утренней гимнастики и завтрака, ее отправили в комнату кастелянши переодеваться, – только тут она поверила, что навсегда покидает Черити-хауз. Джинни и так задержалась дольше положенного срока. Ее подружки уехали сразу после выдачи аттестатов: Лаура – во Францию, к замужней кузине, а судьбой Энн изъявила желание заняться богатая родственница. Будущее других девочек представляло собой печаль и заботу начальницы приюта, прозванной за редкие душевные качества Коброй. Несмотря на свою мрачную репутацию, мисс Коббетт была справедлива и беспристрастна. Отправляя воспитанниц «в вольное плаванье», она всецело полагалась на провидение, а потому устраивала их в алфавитном порядке. Так, воображала Нора Аткинс получила место гувернантки в доме эсквайра, милашку Сьюзен Бакстер взяли компаньонкой к пожилой парализованной леди, застенчивой тихоне Оливии Готсол суждено было учительствовать в бедном пьющем приходе, затерянном среди малярийных

болот Хандред-оф-ху, потом еще поступила пара запросов из Шотландии, а Джинни, словно заколдованная, осталась не у дел, – напрасно начальница ругалась с почтальоном, обвиняя его в утере писем. Джинни совсем не унывала. Она надеялась, что ей выпадет лучший фант, и думала себе: «Уж если нянчить оболтусов, то во дворце индийского раджи или на далеких островах, где закатное солнце золотит верхушки финиковых пальм, – не век же в Англии сидеть!» Правда, мисс Коббетт часто грозилась, что в рекомендательном письме без обиняков расскажет о лазаньях Джинни по деревьям, катаниях на портъере, которая однажды сорвалась вместе с гардиной, чудом не сгубив озорницу, и других проделках, дабы не вводить почтенных господ в заблуждение относительно ее нрава. Джинни верила: начальница вполне на это способна. У них были давние счеты. На случай неповиновения в приюте имелся Крысиный чулан, слывший местом гиблым и пропащим, и все девочки ужасно боялись туда попасть. Будучи его завсегдатаем, Джинни знала, что никаких крыс там нет, зато в корзине со старым тряпьем регулярно котится всеобщая любимица – пушистая кошка Боудикка. Тем не менее, когда ее туда вели, она вопила, не жалея глотки, упиралась, садилась на пол и потом, раздираемая негодованием, яростно пинала дверь. «Злюка, злюка!» – доносились из чулана, а кому понравится такая нелестная правда?

Джинни пробыла в приюте все лето, наслаждаясь положением единственной выпускницы. Младшие обожали теперь только ее, наперебой предлагали услуги по стирке чулок и чистке ботинок, из-за нее ссорились и дрались. Особенно свирепствовала Рокси, напористая девчонка с торчащими, как у кролика, передними зубами. Она присвоила себе Джинни по принципу «Кто наглый – тот везучий» и ре-

шительно отшивала соперниц. Так и зазнаться недолго, но в конце сентября мисс Коббетт получила письмо от патронессы школы Святой Терезы, куда срочно требовалась учительница начальных классов. Конечно, это не Индия, а пригород Лондона, но Джинни все равно обрадовалась. Она давно хотела жить своим умом, а приют с прескучными нравоучениями Кобры и монотонным брюзжанием мисс Абнер надоел ей хуже горькой редьки. Когда выяснилось, что ехать к месту службы Джинни не в чем, воспитательница проявила необычайное великодушие, пожертвовав ей отрез коричневого сукна, который берегла на случай помолвки: а вдруг она кого-нибудь повстречает – чем черт ни шутит. Ткань, много лет пропылившаяся в сундуке, была сильно трачена молью, но кастелянша изловчилась и выкроила-таки платье. На примерку Джинни всякий раз звали в разгар интересной игры, к тому же мисс Абнер была ревнива и придирчива: она очень боялась, что тетушка Пэгги все испортит. Джинни уныло слушала их пререкания и по возможности быстрее старалась убежать во двор, но сегодня все было иначе. К горлу подступил горький комок при виде родного клетчатого платья, одиноко висящего на спинке плетеного кресла. Когда-то оно, как попона, доставало Джинни почти до щиколоток, потом ее ноги стали стремительно расти и платье неоднократно удлинялось. Оно впитало в себя дух подвигов и приключений. В нем Джинни караулила призрака на монастырском кладбище, обследовала заброшенную скотобой-

ню, воевала с бродячим бешеным псом – да всего и не упомнишь. А сколько раз она, исполненная гордой решимости, вступала в нем в Крысиный чулан, сосчитать вообще невозможно. Кастелянша встряхнула его, окинула колючим, словно репейник, взглядом и сказала: «А оно – ничего, еще послужит. Я думаю, Мэдж придется впору. Надо только локти залатать».

С волосами пришлось помучиться. Прямые и жесткие, они дерзко топорщились, ершились, не желали собираться в благопристойный узел. Так же безуспешно наставницы пытались все эти годы усмирить бунтарский нрав Джинни. Наконец тетушка Пэгги расчесала их на прямой пробор, закрутила в две рогульки у висков и даже водичкой сбрызнула

для пущей гладкости, а воспитательница куда-то ушла, но вскоре вернулась. Она решила подарить Джинни серебряные шпильки с розочками. Мисс Абнер считала их шедевром ювелирного искусства, закалывала редко, только по праздникам, а потому, украсив прическу Джинни, не могла налюбоваться результатом. И вот высокое мутное зеркало отразило таинственную незнакомку, чьи острые плечи торчали крыльшками, а тонкая талия, подчеркнутая замшевым поясом, напоминала черенок швабры. Джинни обомлела: неужели это – она, до чего хороша – аж смотреть больно! Тем временем девчонки во дворе занимались своими делами: прыгали через веревочку, пекли пирожные из песка, поливали их жидкой грязью, заменяющей шоколадную глазурь, чертили на тропинке классики. Алекс возилась в клумбе, а Мэдж копала обводной канал вокруг роскошной лужи и размышляла, как бы измерить ее глубину. Джинни окликнула их с крыльца:

– Эй, кочерыжки обглоданные!

Она называла так младших подруг с тех пор, как ее, готовя к выпуску, впервые не остригли. Мэдж подняла голову и от изумления открыла рот.

– Смотри, как бы муха не залетела! – сказала Джинни насмешливо.

Она и знала, что все потрясутся. Чего стоила одна только лиловая дорожная накидка! А новая соломенная шляпка, задорно сидящая на прилизанной голове! К тому же она дер-

жала замечательный пустой саквояж, который воспитательница вручила ей для пущей солидности. Немудрено, что девчонки смотрели на нее, словно замороженные.

– Вот так Джинни!

– Красавица!

– Богиня!

– Просто королева!

Алекс дотронулась до ее пышной юбки, за что тотчас же получила звонкую оплеуху от Рокси.

– Джинни моя мама, а не твоя. Твоя – Лаура! Забыла уговор? Ну так я тебе напомню!

Та не посмела возражать и покорно отступила. Младшие воспитанницы приюта поделили между собой старших, и согласно уговору ее мамой, действительно, считалась Лаура. Она уехала еще в начале лета, когда зацветала хилая черемуха, и Алекс очень по ней скучала, но Рокси была неумолима.

...Провожать Джинни вышел весь приют. Кухарка Исла, по прозвищу Морковка, теребила фартук и причитала:

– Дева Мария, до чего же быстро летят годы! Давно ли малютку Джинни принесли сюда в корзинке из-под овощей? Как сейчас помню: это случилось дождливой осенней ночью.

Мисс Абнер охорашивала Джинни, давала нудные советы, благополучно пропускаемые ею мимо ушей. Слепленная своей красотой, она держала себя с достоинством, какого вполне хватило бы на четырех принцесс крови. Наконец появилась Кобра. Она была высокая и грузная, лиф черного

бессменного платья обтягивал талию внушительного объема: в ее корсете могли бы поместиться две, а то и три Джинни. Без того далекое от идеала лицо начальницы портило презрительное, вечно чем-то недовольное выражение, но сегодня властный голос мисс Коббетт прозвучал непривычно глухо и печально:

– Джинни, попрощайся с теми, кто растил и оберегал тебя.

Джинни обняла всех наставниц, и Ислу, и кастеляншу, когда же дошла очередь до мисс Абнер, та полезла в карман за носовым платком. Джинни не понимала, почему она плачет, ведь все так хорошо! Отъезд совсем ее не огорчал, и ей было от этого даже немножко совестно. Маленькие почитательницы Джинни знали, что она терпеть не может плакс, и из последних сил крепились.

– Теперь пойдем, тебя ждет почтовая карета.

За старой скрипучей калиткой бушевал огромный, неумемный мир, полный веселья и чудес, и они направились туда.

– Вот ты и выросла, Джинни, – сказала мисс Коббетт.

Джинни побаивалась начальницу, хотя и любила прихвастнуть в приватной беседе, что ей на Кобру начихать. Она напряглась и приготовилась слушать отповедь о том, почему надо каждый день чистить зубы, мыть шею и уши, а грызть ногти, наоборот, нельзя.

– Легкой жизни я тебе не обещаю, – вдруг произнесла мисс Коббетт (и Джинни с интересом наострила уши), – как бы ни были самонадеянны состоятельные особы, с которыми тебе предстоит иметь дело, знай, что ты не уступаешь им ни умом, ни красотой, ни характером, только средствами, в чем нет ни их заслуги, ни твоей вины. Помни об этом, Джинни, и никогда не теряй себя.

В недобрых глазах мисс Коббетт, похожих на стеклянные пуговицы, блестели слезы, и Джинни впервые стало жаль ее. Она хотела сказать в ответ что-то очень важное и светлое

как солнце, но не сразу собралась с мыслями, а потом было поздно.

...Джинни ехала в почтовой карете. За окном мелькали поля, сеновалы, каменные изгороди ферм и до кустика знакомые, исхоженные холмы, а под самым ее сердцем было спрятано рекомендательное письмо. В нем лукавым слогом говорилось о некой благонравной юной мисс, отличающейся примерным поведением, глубокими знаниями, радением к наукам и безупречными манерами.

II

– Ну наконец-то, мы вас уже заждались, – патронесса школы Святой Терезы мисс Николсон была в сильном раздражении.

Джинни хотела объяснить ей, что их кастелянша вовсе не копуша: она долго возилась с платьем, желая сшить его как можно лучше...

– К работе приступите завтра, – оборвала ее мисс Николсон, – Будете вести во втором классе грамматику, арифметику, ботанику, этикет и рисование. В ваши обязанности также входит следить за детьми на переменах, гулять с ними и водить в трапезную. Вы сможете поддерживать образцовую дисциплину?

Джинни робко кивнула.

– И еще, я надеюсь, вы понимаете: место в нашей школе – большая честь для безродной девицы. Мисс Коббетт, очевидно, считает вас самой достойной своей воспитанницей. Так постарайтесь же не ударить в грязь лицом!

Джинни пылко заверила, что постарается.

– Жить вы будете в восточном крыле, в комнате номер четырнадцать, с двумя молодыми учительницами. Служанка вас проводит.

Номер комнаты совпадал с годами Джинни, и она увидела в этом доброе предзнаменование, а ее новые соседки оказа-

лись очень милы.

– Спорим, что завтра ты будешь реветь! – заявила одна из них.

– Вот еще! В жизни нюни не распускала. Не на ту напали, – огрызнулась Джинни.

– Тебе какой дали класс? второй? Ах, это еще совсем малышки! Но зубки у них острые как у пираний – съедят в одночасье и не подавятся, будь спокойна.

«Может, они нарочно меня запугивают, но зачем им это?» – подумала Джинни, и ей сделалось не по себе.

Вторая девушка, словно угадав ее мысли, одернула расшалившуюся подругу:

– Памелла, как тебе не стыдно задирать новенькую? С детей дурной пример берешь. Класс и правда не из легких, – обратилась она к Джинни, – ленивый, распущенный, шумный и склонный к каверзам.

– А обуздать его невозможно, потому что в нем учится Глория Николсон, племянница патронессы, – добавила Памелла.

– Но не робей, ты учительница, а значит, главная! – сказала Шарлотта.

– Чепуха, главная там Глория, неужели ты этого еще не поняла? Все девчонки у нее под каблуком, прыгают на задних лапках, так же трусливо и тупо, как наставницы перед ее чванливой тетушкой.

Шарлотта ущипнула Памеллу за руку и состроила звер-

скую гримасу: прикуси, дескать, язык, а сама поспешила перевести разговор в другое русло.

– Что мы, на самом деле, все о школе, да о школе? Так и в старых девах застрять недолго! Лучше открой нам секрет, милая Джинни, есть у тебя сердечная привязанность?

– К чему?

– Ни к чему, а к кому – ясное дело, к молодому человеку! Вот Памелла у нас, представь себе, влюблена, причем не без взаимности. Тебе, наверное, ужасно интересно, в кого? – заговорщически прошептала Шарлотта. – В нашего фельдшера. А ты еще не повстречала своего принца?

– Нет, – честно призналась Джинни.

– Не может быть... Ну да, конечно, ты нам еще не доверяешь, – притворно огорчилась Памелла. – А вообще, мы так дружны, так ценим искренность и терпеть не можем скрытных лицемеров, но ты ведь не такая, правда, Джинни?

Всю ночь Джинни снились ученицы, мечущиеся вокруг нее в дикой бесовской пляске, и тревожное утро не принесло ей утешения.

– Не вздумай ссориться с Глорией – зараз из школы вылетит. Она наговорит на тебя как на мертвую, а патронесса ей поверит: невинное дитя, видите ли, врать не может. Мисс Николсон считает, что ее племянница – сущий ангел, – ухмыльнулась напоследок Памелла.

– А будешь к ней подлизываться, она тебе такую жизнь устроит – сама сбежишь, – сказала Шарлотта.

– Что же мне делать?

Ответом ей стали лишь быстро удаляющиеся шаги. Джинни знала: бежать ей некуда, и чувствовала себя так, будто готовилась пройти по канату, натянутому над городской ярмаркой, под глумливые возгласы и смешки разномастной, равнодушной публики. Девушки же, оставшись вдвоем, обсуждали новое приобретение патронессы.

– Ну как она тебе? – холодно улыбнулась Шарлотта.

– Бледная, словно русалка, а подбородок вроде упрямый. Может быть, она с ними все-таки справится? У меня уже мочи нет рваться на два класса.

– Что же, посмотрим, кто кого.

Спускаясь по лестнице, Джинни со знанием дела принаоровилась к перилам, широким, гладким, судя по всему, очень удобным, и представила, как весело катиться по ним на пятой точке, но, увы, теперь это удовольствие ей недоступно. Джинни шла на свой первый урок, как леди Джейн на эшафот, и журнал успеваемости был для нее тяжелее самых тяжелых оков. Она опасалась вулканического гула и грохота, но класс, напротив, оглушил ее зловещей тишиной. Он был чист, светел и пуст, и говорить: «Здравствуйте, дети, я – ваша новая учительница!» – оказалось некому. Джинни усомнилась, подумала: не ошиблась ли она кабинетом? В недоумении, она выглянула за дверь, чтобы уточнить номер. Тут послышался короткий смешок, и Джинни заметила виднеющийся из-под парты носок башмака.

– Это что еще за озорство? – возмутилась она голосом Кобры. – Немедленно вылезайте! Кто сейчас же не вылезет, тот будет строго наказан!

– А кто вылезет, будет предателем!

– Это кто сказал? – спросила Джинни и грозно постучала указкой по столешнице (в ответ – молчание). – Впрочем, я и так знаю, что Глория.

– Ничего себе, – испугалась толстушка Барни.

– Последний раз спрашиваю: вы вылезете или нет? – неистовствовала Джинни.

– Не вылезем.

Тут Джинни вспомнила золотое правило Черити-хауза «Как ты мне, так и я тебе» и, ни секунды не мешкая, юркнула ящерицей под учительскую кафедру.

– Если вам по вкусу так заниматься грамматикой, то я ничего не имею против. Сейчас мы будем спрягать глаголы, – сказала она бодро.

Урок начался. Джинни делала вид, что ей даже нравится под кафедрой.

– Учтите, там пауки. Служанка-бездельница совсем не

убирает, – заботливо предупредила ее Глория.

– Люблю я пауков, – сказала Джинни ласково, – они вкусные. Чем вам не угодили эти милые создания?

Под партами было тесно, темно и даже как-то страшновато. Первой закапризничала Барни:

– Глория, может, хватит, а? Я устала, у меня ноги болят.

Джинни злорадно усмехнулась, и Глории сделалось стыдно, что у нее такие безвольные повстанцы.

– Замолчи, пивной бочонок, – цыкнула она сердито, – все бы только хныкать!

– Диктант будем писать сидя на шкафу, а работу над ошибками выполним на потолке, – упивалась Джинни.

Недовольство росло и неизвестно, во что бы вылилось, если бы не мисс Николсон. Она решила проверить, как там дела у новой учительницы. За дверью было тихо и спокойно, ученицы прилежно отвечали урок, и патронесса облегченно вздохнула, но расслабилась она рановато. Проходя по галерее, из которой хорошо просматривались окна второго класса, мисс Николсон увидела, что кабинет пуст, – прямо-таки наваждение какое-то! Она вернулась и растерянно спросила:

– В чем дело? Где все?

Из-под кафедры показалась голова Джинни, увенчанная туго затянутыми рогульками, с одной из них лохмотьями свисала паутина. От досады и обиды ей ужасно хотелось сказать: «Это они первые начали», но Джинни никогда не была ябедой. Она потупилась и промолвила смиренно:

– Ничего особенного, просто мы спрягаем глагол «прятаться».

– Пойдемте со мной, вы мне нужны.

Когда дверь за ними закрылась, девочки вылезли из-под парт. Они отряхивали пыль с форменных платьиц и гадали,

что все это значит.

– Глория, я не хочу на шкаф, – канючила Барни.

Неповоротливая и толстая как булка, она и на турник-то забиралась с большим трудом.

– Послушай, а откуда она узнала, что ты – Глория? – спросила Кристин.

Та пожала щуплым плечиком.

– И пауков она не боится. Ой, девочки, а что если она – ведьма? – заволновалась Барни.

– Не надо было с ней связываться, – и Кристин недобро покосилась на Глорию.

В приемной Джинни получила хорошую нахлобучку от патронессы:

– Может быть, вы приехали сюда, чтобы паясничать? Позвольте вас разочаровать, вы ошиблись адресом: у нас не балаган, а престижная школа, которой поручают детей обеспеченные, уважаемые семейства. Это вам не Черити-хауз! Если вы будете и впредь так гастролировать, то мне придется проспрягать глагол «выгонять восвояси». Ступайте на урок и хорошенько подумайте над моими словами!

Джинни вылетела в коридор как ошпаренная. Несправедливость до краев переполнила чашу ее терпения, и она помчалась к себе в комнату за саквояжем, но встретившаяся на пути третьеклассница приветствовала Джинни почтительным реверансом, и это помогло ей собраться с силами. В конце концов, зачем сразу сдаваться? Лишиться заработка

– дело нехитрое, а торопиться ей некуда. Когда она вошла в класс, девочки дружно встали, устремив на нее любопытные, изучающие взгляды. Учительница оказалась совсем не такой, как они думали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.